

А.В. Михалёв

Конструирование традиционности в пространстве самостроя современного Улан-Удэ: этнографический очерк*

Ключевые слова: сельские мигранты, рурализация, традиции, «нахаловка», скваттеры.

Keywords: appropriation of municipal land, «nachalovka», misappropriation.

Представленное исследование выполнено в формате этнографического анализа процесса формирования образа традиционности сельских мигрантов г. Улан-Удэ. Мигранты формируют анклав, которые называют самостроем, или «нахаловкой», – данный термин прочно вошел как в политический, так и в научный оборот, хотя наряду с ним ранее употреблялись термины «Шанхай» и «Индия» [1]. Эти поселения в зависимости от места расположения ориентированы либо на сельское хозяйство, либо на практики адаптации в городе.

Мы рассматриваем один аспект, связанный с практиками скотоводства и формирования культурно-хозяйственного типа, характерного для сельской традиционности. Территориально мы рассматриваем «нахаловку» на углу улицы Мира и улицы Далахайской – обе улицы не входят в план застройки города, формально они отсутствуют на карте города, так как основаны «самовольщиками». Этим термином власти города называют жителей «нахаловки». Вокруг самостроя городскими властями и прессой сформировано мнение, что эта территория «вне закона», живущая на основе традиций [2], привнесенных из консервативной сельской среды и размывающая принципы организации городского пространства. Как отмечает улан-удэнская пресса: *...деревенские жители переезжают в город вместе со своими домами и негородским образом жизни. Все чаще на окраинах города можно встретить стада коров, Улан-Удэ стал похож на большую деревню* [2]. По приблизительным оценкам, в «нахаловках» Улан-Удэ живет от 15 до 30 тыс. жителей [1].

Изучению скваттерских поселений посвящен ряд работ в рамках социальной антропологии, гуманитарной географии, политологии и социологии. Большинство работ основано на полевых исследованиях, проводимых в скваттерских поселениях в странах Латинской Америки, Африки и Южной Азии. Одними из первых исследователей проблемы скваттерских поселений стали ученые Ч. Абрамс, Дж. Тернер, У. Мэн-

жин, Г. Пэйн, П. Ллойд, Дж. Перлман, М. Кастельс, С. Лобо, Дж. Фишер и другие, которые использовали в своих исследованиях в той или иной мере методы и подходы, разработанные в рамках социальной антропологии. Из последних исследований по этой проблеме необходимо отметить работы Э. Фернандеса, Дж. Хардоя, Э. Бернера, Р. Ньюеса, М. Хачзермайер, из российских исследователей – И. Костюкову, которая рассматривает эту проблему в контексте участия сельских мигрантов в социально-политическом движении в Киргизии начала 1990-х гг. Проблема скваттерских поселений в городах Внутренней Азии является практически неисследованной, если не считать работ К. Хэмфри [3] и Б. Жимбиева [4], в которых имеется несколько упоминаний о «нахаловках» Улан-Удэ.

Большой вклад в актуализацию проблемы «нахаловок» внесли исследования Н.И. Карбаинова [1; 5]. Автор фактически ввел в научный оборот проблему самостроев Улан-Удэ, показав динамику их развития и практику борьбы за пространство. Отдельного внимания заслуживают работы С.Д. Батомункуева, который попытался представить так называемый городской взгляд на проблему. Он отмечает: «...деревня, деревенская культура ассимилирует город, его культуру, вытесняет горожан из пространства города, все больше ужимая его для них до размеров их частных домов, квартир, дворики» [6].

Специфика нашего исследования заключается в выбранном фокусе – изучение конструирования бурятской традиционности как практики разграничения городских и сельских стилевых стратегий жителей Улан-Удэ.

В ходе проведения полевого этапа исследования мы использовали следующие методы:

1. Участвующее наблюдение – метод, наиболее распространенный в социальной антропологии и подразумевающий собой наблюдение, связанное с участием в повседневных практиках жителей «нахаловок».

2. Биографическое интервью с жителями самостроев. Интервью было ориентировано на исследование персональных стратегий адаптации сельских мигрантов в городской среде.

Рассматриваемый нами случай представляет собой так называемый бесконфликтный сценарий развития микрорайона самостроев. Случай, когда жители непризнанных улиц имеют в паспортах прописку на этих

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Городские деревни»: антропология скваттерских поселений Улан-Удэ), проект № 08-01-00476а

улицах. Эта ситуация, когда скваттерское поселение пристроено к дачной улице горожан. Однако оно имеет свою отличную инфраструктуру и собственный уклад. Во-первых, это скотоводство, адаптированное к условиям города, однако самими жителями оно называется традиционным занятием бурят. Во-вторых, это религиозные и ритуальные практики, которые отправляются в пространстве «нахаловки». Несмотря на то, что они отличаются от тех же самых действий, выполняемыми горожанами, они все же имеют мало общего с описанными этнографами традиционными религиозными практиками.

Однако мнение внутри самой «нахаловки» выдает все упомянутые действия как традиционные для бурят, что, собственно, разделяется жителями близлежащего микрорайона пятиэтажек.

Первый аспект данного исследования связан с практиками скотоводства в пространстве города. Если в 1950-е гг. еще существовало городское стадо коров, то к 2000-м гг. это стало анахронизмом, характерным только для самостроев, имеющих рядом возможности для выпаса. Как отметил один из информантов, *«мы держим корову и две козы»*. Это связано с тем, что выпас коз, по мнению самовольщиков, на территории города наиболее удобен. С крупным рогатым скотом возникают следующие проблемы: *«Пасем скот по дням, сколько голов – столько дней. Пасут дети, а им в школу ходить надо. Нужно, чтобы они учились и школу нормально окончили, а не пастухами были»*.

Однако встречается и другое мнение в отношении скотоводства: *«У нас это в крови! Да и как жить, на зарплату, что ли?»* Эта нарративная модель подразумевает стратегию освоения городского пространства с сохранением элементов сельского уклада (скот и уход за ним, сенокос и т.п.). Ее легитимацией служит отсылка к «традиции» как некоей абстрактной категории, оправдывающей не вписывающуюся в нормативную модель поведения, которую поддерживают власти города. В данной ситуации отсутствует конфликтность по поводу скотоводческой «аномии». Как отмечают информанты, городские власти не предпринимали попыток решить этот вопрос, как в других районах города. Это связано со спецификой микрорайона, где по сей день сохранились фрагменты догородской жизни.

Поселок Заречный как часть Улан-Удэ формально стал городом в 1960-е гг., когда был построен первый завод. Поэтому многие горожане здесь также держат скот (свиней). Однако отношение к стаду коров весьма негативное, так как *едят из мусорных баков и постоянно являются приманкой для бомжей*, поэтому численность скота заметно сокращается из года в год, но по-прежнему в различных частях поселка можно встретить людей, косящих сено для коров. Видимо, именно это заставляет говорить власти города о том,

что «нахаловки» олицетворяют негородской стиль жизни, более напоминающий архаичный сельский. Именно этот фактор обуславливает тиражирование мнения о противопоставлении «городских» и «сельских» в пространстве города (в улан-удэнском общественном мнении «городских» и «головаров») [5].

Фактически вокруг масштабного процесса руризации выстраивается множество различных мифов, связанных с традиционным сознанием жителей «городских деревень» Улан-Удэ, и основным среди них является миф о скотоводстве, делящийся на две стратегии:

1. *Мы держим скот, потому что это занятие наших предков и нам нужно выживать.*

2. *Они портят облик города своими коровами и не хотят жить нормально, как все!*

Другой аспект традиционности связывают с клановыми и земляческими отношениями. Говоря об этом, ссылаются на названия улиц: Далахайская, Агинская, Санагинская, предполагая, что на них живут выходцы из соответствующих районов и сел. Однако исследование показывает, что это утверждение не всегда справедливо. Так, например, улица Далахайская была основана выходцами из Тункинского района Бурятии. Однако на ней живут не только представители этого землячества. Показательно, что на этой улице стоят дома так называемых горожан, поспешивших занять пустующие бесхозные земли. Некоторые сдают эти дома в аренду, и в этих жилищах появляется еще одна категория жителей – квартиросъемщики. Таким образом, концепт традиционности, продуцируемой посредством ономастики, в нашем материале не всегда инструментален.

Другой аспект, связанный с разделением на современность и традиционность в пространстве города, связан с обрядовой стороной. В ходе полевого исследования нам представилась возможность принять участие в свадебном обряде бурятской семьи, проживающей в «нахаловке». Данная семья является выходцами из Тункинского района Республики Бурятия. Однако невеста является «городской и русской». Данный случай является показательным в плане обретения статуса горожанина посредством матримониальных отношений. В данной ситуации мы анализируем две причинно-следственные цепочки, обуславливающие заключение данного союза.

1. *Я подумала, что этот брак будет прочным, так как Гэсэр – парень работающий, среди родственников пользуется уважением. Да и у бурят традиционная взаимовыручка в семьях, они своих детей никогда не бросают, даже двоюродных племянников усыновляют.*

2. *Наташка – красивая девчонка. Да и устроить нормальную жизнь надо с хорошей работой и пропиской. Я свою семью обеспечу, и дети мои будут в городской школе учиться.*

Что касается свадьбы, если сравнивать с брачными традициями бурят, описанными К.Д. Басаевой [7], в данной ситуации мы сталкиваемся лишь с современной стилизацией по традиции. Это отчасти объясняется самим межэтническим характером брака и выразилось в посещении буддистского храма (дацана), где лама в соответствии с гороскопом каждого выбрал дату свадьбы и посоветовал жениху на протяжении всего первого дня до заката повторять про себя одну из мантр.

В целом говорить о традиционно бурятской свадьбе не приходится, несмотря на 250 гостей и то, что мероприятие отмечалось в школьной столовой и большинство гостей были с улицы жениха.

Важной деталью данной свадьбы было то, что она окупилась, т.е. совокупная стоимость подарков превысила затраты на ее организацию. Это типичная ситуация реципрокного обмена, когда статус приглашенного обусловлен размером подарка. В то же время дарящий может рассчитывать на то, что он в свою очередь получит подарок, превышающий по ценности тот, который он подарил своему родственнику. Это действительно «пережиток» престижной экономики, характерной для кочевых обществ Внутренней Азии [6]. Подобные случаи широко описаны в трудах историков и этнографов, а также представлены в исторических источниках. В нашем случае это проявляется следующим образом: *«Дядя Витя из Аршана привез на свадьбу барана и подарил холодильник. Барана забили на свадьбе, все как полагается, хахшаньк сделали, голову сварили и поднесли дедушке как самому старшему»*. Соблюдение ряда традиций в быту и обыденной жизни мало чем отличает живущих в «нахаловке» от горожан. Более того, глубокого знания обрядовой стороны традиций в нашем случае не отмечается.

Представление о традиционализме в «нахаловке» размывается еще и за счет социального состава живущих в ней людей. Прежде они называли себя сельской интеллигенцией и были учителями, врачами, агрономами, среди них есть специалисты с ученой степенью и просто люди, не желающие заканчивать жизнь в условиях «сельской безысходности». Многие из них считают, что могли бы занять более достойное место в обществе, как отметила одна информантка: *«Я учитель высшей категории, могу конкурировать с любым городским учителем. Но у меня нет возможности найти работу, вот и живем натуральным хозяйством. Да еще муж работает в «Абсолюте» грузчиком. А потом говорят, что мы больше делать ничего не умеем и переезжаем в город целыми деревнями, мол, дикари улусные»*.

Аспект связи с селом является также немаловажным. Сезонные поездки «на покос и картошку» характеризуют быт самовольщиков как типично не городской. Однако самострой Улан-Удэ вплотную прилегают в ряде микрорайонов к вполне сельским

улицам бывших деревень, влившихся в город, которые даже сейчас мало чем отличаются от сельских усадеб. Таким образом, феномен «городской деревни» оказывается традиционным для города, нежели привнесенным в 1990-е гг.

В ходе исследования мы отмечаем, что в «нахаловке» формируется свое особое сообщество жителей незаконных поселений, со своими ценностными ориентирами, направленными на выживание в условиях города и борьбу с мэрией. О них нельзя однозначно сказать, что это земляческие поселения сельских бурят, пытающихся привнести традиционность в сложившийся ритм городской жизни. Это особая среда, в нашем случае – выходцев из разных районов республики, живущих в пространстве одного переуллка, не отмеченного в официальных документах, и пытающихся сохранить или «узаконить» свои жилища. Однако тема «узаконивания» – отдельное исследование. Мы же рассмотрели случай одного переуллка в «нахаловке» и попытались описать практики конструирования представлений о жителях как носителях традиционной культуры бурят. Однако исследование показало, что данная категория не отражает в полной мере ситуации, сложившейся в данных поселениях. Более того, исходя из гипотезы об относительности понятия «традиции», мы можем утверждать, что грань между «обычаями предков» и современностью также относительна и ситуативна.

Самоорганизация сообщества отмечается прежде всего в практиках совместного общежития, на улицах самостроев висят объявления: «Не сорить. Штраф 500 рублей». Это имеет особое значение на тесных улицах и в условиях плотной застройки. Нужно отметить, что данные правила строго соблюдаются. Это распространяется и на практику незаконного подключения к энергосети, регулятором является страх перед соседями. Так, например, один из информаторов, живущих в легальной части поселка, отметил: *«Кабель я тянул, за столбы платил тоже я, а они (самовольщики. – А.М.) к ним «кошки» прикрепили и отвели себе электричество. Я не иду качать права, так как поджечь могут. Да и сосед мой полдома на моем участке построил. Я ему предлагал перенести даже за свой счет, не хочет, а ругаться себе дороже»*. Однако его сосед представил данную ситуацию иначе: *«Ну, были у нас трения с соседом, я ему сказал: “Земляк, давай по-хорошему. Мы с тобой из одного района, нам нужно помогать друг другу”*. И он согласился. Подобные ситуации формируют не только правила и нормы поведения, но и обеспечивают солидарность внутри сообщества, так как нарушение сложившихся правил может привести к конфликту, в котором никто не заинтересован.

Строительство «нахаловок» сегодня – это занятие не только сельских мигрантов, но и предприимчивых горожан, сдающих это жилье в аренду. Арендаторы,

в свою очередь оказавшись в описанных условиях, вынуждены подчиняться правилам, так как в ином случае власти начнут снос незаконных поселений.

Негласная конвенция, согласно которой соблюдаются правила общежития, формирует новую систему отношений, которая в ряде исторических случаев перерастает в традицию. Подобная тенденция отмечается и на окраинах Улан-Удэ, когда недавно изобретенные нормы преподносятся как обычаи предков [8]. Групповая солидарность обосновывается как проявление земляческих и клановых отношений, характерных для традиционного общества. Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией, когда администрация вменяет традиционность в вину, а самовольщики включают данный нарратив в режим оправдания.

Пространство городских самостроев – территория, на которой закон имеет относительную ценность, так как существование данных поселков идет вразрез с существующим законодательством. Однако ожидаемого высокого роста преступности на их территории не отмечается. С одной стороны это связано со стремлением решать свои проблемы внутри сообщества, а с другой – с жесткой нормативностью внутри данного поселения, которая выработалась под давлением со стороны городских властей.

Мы проанализировали процесс формирования образа традиционности вокруг жителей незаконных поселений Улан-Удэ и пришли к выводу, что в рамках данных поселений формируется собственное сообщество, которое является продуктом процесса рураризации в Бурятии. В рамках данного сообщества формируются собственные нормы и правила поведе-

ния, которые очень близки к обычаям, однако имеют иное содержание и социокультурный смысл.

Основной задачей исследования был показ множественности смыслов и стратегий интерпретаций повседневных практик сельских горожан Улан-Удэ. Можно утверждать, что они не ведут сельский образ жизни в городе, однако и типично городским его назвать также трудно. Исходя из этого делается вывод, что самовольщики вызывают неприязнь в связи со своим маргинальным статусом. Маргинальность является реакцией на неспособность приспосабливаться к правилам, сформировавшимся на рынке недвижимости Бурятии (в среднем 1500 условных единиц за квадратный метр). Результат этого – возникновение деревень на окраинах города, количество которых с каждым годом увеличивается пропорционально темпам внутренней миграции.

Этнографичность изучаемой ситуации заключается в том, что на городских окраинах формируется особый культурно-хозяйственный тип, характерный для высокоурбаризированных обществ. Рураризация связана с разложением традиционности и является характерной чертой постсоветских обществ (помимо Бурятии сходные процессы наблюдаются в Казахстане и Киргизии). Уникальность ситуации заключается в том, что в условиях тотальной маргинальности все же некоторые традиции адаптируются к современным условиям, именно это и представляет интерес. Представленное исследование является лишь частью широкой программы изучения данного феномена, имеющего помимо всего еще и этническую составляющую, которой также нужен подробный этнологический анализ.

Библиографический список

1. Карбаинов, Н.И. «Нахаловки» Улан-Удэ: гражданское общество на взлетной полосе / Н.И. Карбатнов // Отечественные записки. – 2005. – №6.
2. Шевцова, Е. Приказано: «Душить!» / Е. Шевцова // Номер один в Бурятии. – 2004. – 25 авг. – №34.
3. Humphrey, C. Shamans in the city / C. Humphrey // *Anthropology Today*. – 1999. – №15 (3). – June.
4. Zhimbiyev, B. History of Urbanization of Siberian City: Ulan-Ude / B. Zhimbiyev. – Cambridge, 2000.
5. Карбаинов, Н.И. «Городские» и «головары» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство города) / Н.И. Карбаинов // Вестник Евразии. – 2004. – №2.
6. Батомункуев, С.Д. Урбанизация по-деревенски. Улан-Удэ грозит рураризация / С.Д. Батомункуев // Город. Газета соучастия. – 2005. – №1.
7. Басаева, К.Д. Семья и брак у бурят / К.Д. Басаева. – Улан-Удэ, 1991.
8. Hobsbawm, E. Introduction: Inventing Traditions / E. Hobsbawm // *The Invention of Tradition* / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge, 2003.